

ББК Ш 400.221
УДК 821.111

К. Н. Савельев¹
*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова*
savakos@mail.ru

«СОТВОРЕННАЯ ПРИРОДА» (NATURA NATURATA) КАК ЭМБЛЕМА ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ДЕКАДЕНТОВ²

В статье рассматривается проблема понимания сущности природы в трудах французских писателей продекадентской направленности. Основное внимание сосредоточено на проблеме взаимосвязи таких понятий, как «природное» и «сотворенное» (искусственное) в литературно-критических статьях и литературных произведений Ш. Бодлера и Ж.-К. Гюисманса. Анализируются истоки самого понятия «сотворенная природа» (*natura naturata*), которое активно противостоит «природе творящей» (*natura naturans*). Рассматриваются причины бунта против природы-разрушительницы, в основе которого лежит негативное отношение к классической аристотелевской установке на «подражание природе» как непремемному условию для любой творческой личности. И в этом контексте важное место отводится Ш. Бодлеру, который, не приняв романтического пантеизма, выдвинул тезис о бесполезности природы, которая ничему не учит. Основательно пересмотрев руссоистскую чувствительность в отношении природы, он в своем сборнике эссе «Поэт современной жизни» обратился к ее хтонической составляющей. Что же касается чисто художественных текстов, то, по нашему убеждению, «сотворенная природа» в полной мере предстала в романе Ж.-К. Гюисманса «Наоборот», герой которого дез Эссент, вообразив себя творцом, задумывает преобразить окружающий мир, исходя из своих желаний и внутренних потребностей. Жизненным кредо для него становится «искусственность», которая доминирует над всем остальным. На примере статей и художественных текстов Бодлера и Гюисманса делается вывод, что писатели продекадентской

¹ Савельев Константин Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия

² Статья посвящена юбилею МГТУ им. Г. И. Носова

направленности, отвергнув принцип «мимезиса», выдвинули идею «сверхприродности» и рассматривали природу только в качестве сырьевого придатка искусства, поставщика материала для воображения творца.

Ключевые слова: сотворенная природа, декаданс, Бодлер, новое искусство, Гюисманс, деспотизм природы, искусственность, природное начало, критик

Проблема понимания сущности природы, ее роль и значение в жизни человека была наиболее остро обозначена во французской литературе второй половине XIX века. Все чаще приверженцы «нового искусства» стали отдавать свое предпочтение «природе сотворенной» (*natura naturata*) перед «природой творящей» (*natura naturans*). Отсюда неприятие классической аристотелевской установки на «подражание природе» как неперемennomу условию для любой творческой личности. Лозунг, что «отныне природа не является нашей прародительницей, она – само наше творение», был довольно популярен и среди приверженцев французского символизма, и среди писателей английского декаданса. «Декаданс, – пишет К. Палья, – маньеристская поздняя форма романтического стиля. Теория природы позднего романтизма следует за де Садом и Кольриджем, которые видели жестокость и избыточность природы. Искусство вытесняет природу. *Objet d'art* становится предметом фетишистского изысканного разбирательства» [5, 492]. То, что постепенно природа перестает быть предметом поклонения со стороны творческой личности и выступает «служанкой» искусства, можно было обнаружить не только в поэтическом наследии «Клуба рифмачей» [6, 115], в трудах О. Уайльда, ярого апологета эстетизма, но и среди работ тех авторов, которых мы относим к литературе французского декаданса. Ш. Бодлер, Ж.К. Гюисманс выдвинув идею «сверхприродности», задействовали в своем творчестве не принцип «мимезиса», а воображение, которое, по их мнению, в состоянии создать любые плоды искусной культуры. Для них природа была только сырьевым придатком искусства, поставщиком материалом для воображения творца.

Первым, кто из французских поэтов-декадентов бросает вызов матушке-природе, был автор «Цветов зла» (1857) Ш. Бодлер. Основательно пересмотрев руссоистскую чувствительность в отношении природы, он обратился к ее хтонической составляющей. «Сила природы оказалась в руках безжалостных вампиров самых многочисленных персонажей поэзии Бодлера», – полагает К. Палья.

Природная дихотомия солнечного света и разложения, женской красоты и безобразного лика природы наглядным образом представлена в самом известном его стихотворении «Пададь»:

Но вспомните и вы, заразу источая,
Вы трупом ляжете гнилым,
Вы, солнце глаз моих, звезда моя живая,
Вы, лучезарный серафим [2, 65].

(пер. В. Левика)

Мир гниения здесь полон странных созвучий, похожих на журчание ветра и ручья, такой своеобразный декадентский романс. Для самого поэта труп разлагающейся лошади еще раз является напоминанием, что ожидает любую живую материю в этом природном мире. Все в этом стихотворении строится на резких контрастах, на двух полюсах – физическом и духовном, когда с одной стороны мы наблюдаем восторженную нежность к юной возлюбленной, с другой грубую вещественную природу, которая сопровождает процесс разложения. Причем один образ поэт видит сквозь другой.

Скепсис по отношению к природному началу отчетливо проявляется и в многочисленных критических статьях Бодлера, в которых представлен довольно оригинальный взгляд на эту проблему. Не принимая позицию романтиков, стремившихся одушевить природу, полностью в ней раствориться, он, ссылаясь на очевидные факты, на вековой опыт и на судебную хронику, в безапелляционной манере заявляет, что «природа ничему или почти ничему не учит, но что именно она вынуждает человека спать, пить, есть и худо ли, хорошо ли оберегать себя от непогоды» [1, 307].

Более того, французский критик выносит приговор природе и обвиняет ее в том, что «она толкает человека на убийство ближнего, подстрекает пожирать его, лишать свободы, пытаться; ибо, чуть только мы отходим от примитивных потребностей и начинаем стремиться к роскоши и удовольствиям, мы убеждаемся, что природа сама по себе ничего, кроме преступления, посоветовать нам не может» [1, 308]. Предвосхищая фрейдистские идеи, Бодлер утверждает, что, эта «непогрешимая природа, породила отцеубийство и людоедство и тысячу других мерзостей, назвать которые мешают нам приличия и такт». Причем все эти преступные наклонности, по словам критика, впитываются еще в материнской утробе и присущи человеку с рождения. И только с помощью религии и истинной философии человек вынужден противостоять этому натиску природы. Добродетель, подчеркивает критик, она искусственна и стоит над природными побуждениями. Отсюда у человека тяга

к украшениям, это естественное желание преобразовывать природу. Украшения и мода, по мнению Бодлера, являются «признаком устремленности к идеалу», демонстрация победы над всем грубым, земным и низменным, «мода – возвышенное искажение природы или, вернее, постоянная и последовательная попытка ее исправления» [1, 308].

Отсюда французский критик выделяет главное предназначение художника – это «подмена природы человеком и бунт против деспотизма природы» [1, 110]. Под «подменой природы человеком» Бодлер понимает изображение мира, одухотворенного человеком. Противопоставляя природу и цивилизацию, он отдает предпочтение последней. Ибо цивилизация, по его мнению, представляет собой творение человеческого духа, в отличие от природы, которая сама по себе равнодушна к человеку. Здесь, как и у Уайльда, природа выступает лишь «бессвязной грудой материала, которую художник призван связать и упорядочить. <...> В самой природе нет ни линии, ни цвета. Человек – создатель линии и цвета, двух абстракций, чье равное благородство проистекает из одного и того же источника» [1, 261]. Задача же природы состоит в том, чтобы пробудить «дремлющие способности художника», она служит искусству лишь сырьевым материалом и в состоянии лишь подражать ему. Для него самого природа – это своего рода словарь, к которому обращаются художники, они ищут в этом словаре «элементы, согласующиеся с близкой им концепцией, а затем мастерски сочетая их, придают этим элементам совершенно новый облик» [1, 257].

И здесь на помощь женщине, по его мнению, должна прийти косметика, позволяющая «имитировать природную красоту и соперничать с молодостью». Косметика отныне предстает, как «чистая уловка, скрывающая оскорбляющие природу недостатки и создающая видимость единства в фактуре и цвете кожи» [1, 309]. Более того, считает критик, теперь вовсе незачем скрывать косметику и стараться, чтобы она не была угадана. Наоборот, необходимо подчеркивать ее наличие, она должна стать откровенной, театральной. И если для второй половины XIX в. эти мысли могли показаться крамольными и вызвать суровое осуждение со стороны пуританской общественности, то наши современницы, наверняка, смогут в полной мере оценить многие из этих утверждений Бодлера.

Но в полной мере «сотворенная природа» предстанет в романе Ж.-К. Гюисманса «Наоборот» (1884), который принято называть «стилевой партитурой декаданса». Само название романа и означает «против природы». Его герой, дез Эссент, вообразив себя творцом, задумывает преобразить окружающий мир в соответствии со своими

желаниям и внутренним потребностям. Погружаясь в атмосферу определенных *objets d'art*, он создает «искусственный рай»: окружает себя любимыми произведениями искусства, составляет пьянящую «симфонию запахов», получает наслаждение от созерцания драгоценных камней. Будучи фетишистом, он поглощен красотой окружающих предметов. Дез Эссент стремится обрести смысл жизни в успокоении и наслаждении искусством и, как фараон, хоронит себя вместе со своим имуществом, являясь одновременно жрецом и идолом своего созданного культа.

Герой Гюисманса – творец собственного мира, испытывает желание подменить вульгарную действительность фантазией, не без основания полагая, что «воображение всегда полнее и выше любых проявлений реальности». При этом любое желание, даже самое неисполнимое в обычной жизни, можно удовлетворить, если прибегнуть к его искусной подделке. Искусственность – вот к чему должен стремиться человек, которому самому по силам создать любое творение природы. Сама же природа не создала еще такого, что не было бы подвластно человеку: «Нет леса Фонтенбло в лунном свете, незаменимого декорацией с электрической подвеской; нет водопада, которого гидравлика преобманно не скопировала бы; нет скалы, которой не уподобился бы картон; не говоря уже о цветах – с любым способна соперничать тафта и нежная бумага» [3, 27]. Природа себя изжила, утомив нас своей омерзительной шаблонностью пейзажей и небес, и теперь ее попросту необходимо заменить искусством, – к такому, казалось бы, парадоксальному выводу приходит в своих раздумьях дез Эссент.

В воображении, в фантазии – вот где, по его мнению, нужно искать разнообразие: «Извечная врунья, – таким эпитетом награждает дез Эссент природу, – исчерпала благодушный восторг художников; пробил час, когда следует, где только можно, заменить ее искусством» [3, 27].

И он пытается эти идеи воплотить в реальность. Искусственные декорации, нарисованные на холстах, должны создать ему иллюзию путешествия, искусственные цветы, созданные для его костюма, должны были выглядеть, как настоящие. «Все это было преувеличением, пишет Э. Старки, почти пародией на бодлеровскую теорию «*correspondances*» между различными ощущениями» [7, 84]. Дез Эссенту доставляло особое наслаждение смешивать всевозможные экстракты, определять их состав и психологию: «Он распылил по комнате эссенцию, составленную из амброзии, Митчемской лаванды, душистого горошка <...>; затем ввел в этот луг смесь туберозы, апельсинового цветка и миндаля – и тотчас расцвели

искусственные сирени, в то время как липы выделяли свой аромат, расстилая по земле бледные испарения, стимулированные экстрактом лондонской липы» [7, 82]. Для него не составляло большого труда в ноябре сотворить у себя дома весну и в то время, когда «испуганные семьи», стремясь избежать холодов, устремлялись в Канны, он, находясь в своем любимом кресле, в полной мере испытывал особое наслаждение. И сотворенной природе ничего не остается, как смириться с подобным феноменом.

Герой Гюисманса переворачивает свое существование наоборот и живет только по тем законам, которые сам для себя установил. Причем, как справедливо замечает И. Карабутенко, «жизнь под знаком наоборот – это не жизнь назло другим или на удивление другим, это основа создания собственной модели мира. Подобная жизнь, опрокидывающая все естественные желания, – эта жизнь естественна для дез Эссента. Он не делает над собой усилий, живя такой жизнью, но ему приходится преодолевать себя в моменты, когда он вынужден жить “той”, “их” естественной жизнью» [4, 8].

Но такого отношения к себе природа не прощает, она мстит герою Гюисманса, напоминая о себе зубной болью, ночными кошмарами, головокружениями, расстройством желудка. И реальность в конечном итоге разрушает возвышенные идеалы, принуждая больного эстета вернуться к обществу и природе. Так разрушаются все его декадентские начинания. Через некоторое время весь этот путь, пройденный дез Эссентом, уже в другом романе «Портрет Дориана Грея» попытается повторить уайльдовский герой. Таким образом, на примере статей и художественных текстов Бодлера и Гюисманса можно сделать вывод, что французские писатели продекадентской направленности, отвергнув принцип «мимезиса», выдвинули идею «сверхприродности» и стали рассматривать природу только в качестве сырьевого придатка искусства, поставщика материала для воображения творца.

Литература

1. Бодлер, Ш. Об искусстве / Ш. Бодлер. – М.: Искусство, 1986. – 422 с.
2. Бодлер, Ш. Цветы Зла. Стихотворения в прозе / Ш. Бодлер. – М.: Высшая школа, 1993. – 511 с.
3. Гюисманс, Ж.-К., Монтерлан А. Наоборот. Девушки / Ж.-К. Гюисманс, А. Монтерлан. – М.: Объединение «Всесоюзный молодежный книжный центр», 1990. – 267 с.

4. Карабутенко, И. Встреча Гюисманса с Монтерланом и читателя с ним / И. Карабутенко // Гюисманс Ж.-Ш., Монтерлан А. Наоборот. Девушки. – М.: Объединение «Всесоюзный молодежный книжный центр», 1990. – С. 3–12.
5. Палья, К. Личины сексуальности / К. Палья. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 880 с.
6. Савельев, К. Н. «Клуб рифмачей» как эмблема английского декадана / К. Н. Савельев // *Libri Magistri*. – 2015. – № 2. – С. 115–120.
7. Starkie, E. *From Gautier to Eliot*. –L.: Hutchinson, 1960. – 236 p.

References

1. Bodler, Sh. *Ob iskusstve* / Sh. Bodler. – М.: Iskusstvo, 1986. – 422 s.
2. Bodler, Sh. *Cvety Zla. Stihotvorenija v proze* / Sh. Bodler. – М.: Vysshaja shkola, 1993. – 511 s.
3. Gjuismans, Zh.-K., Monterlan A. *Naoborot. Devushki / Zh.-K. Gjuismans*. М.: Ob#edinenie «Vsesozuznyj molodezhnyj knizhnyj centr», 1990. – 267 s.
4. Karabutenko, I. *Vstrecha Gjuismansa s Monterlanom i chitatelja s nim* // Gjuismans Zh.-Sh., Monterlan A. *Naoborot. Devushki / I. Karabutenko*. М., 1990
5. Pal'ja, K. *Lichiny seksual'nosti* / K. Pal'ja. Ekaterinburg: U-Faktorija, 2006. – 880 s.
6. Savel'ev, K.N. «Klub rifmachej» kak jemblema anglijskogo dekadansa / K.N. Savel'ev. *Libri Magistri*. – 2015. – № 2. – S. 115-120.
7. Starkie, E. *From Gautier to Eliot*. L.: Hutchinson, 1960. – 236 p.

"CREATED NATURE" (NATURA NATURATA) AS AN EMBLEM OF FRENCH DECADENT WRITERS

K. N. Saveliev

Doctor of Philology, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article deals with the problem of the essence of nature in the works of French decadent writers. The main attention is focused on the problem of the interrelation of such concepts as “natural” and “created” (artificial) in literary-critical articles and literary works

of C. Baudelaire and J.-C. Huysmans. The article analyzes the origin of the concept of “created nature” (*natura naturata*), which actively opposes the “creative nature” (*natura naturans*). The author considers the causes of rebellion against the nature the destroyer, which is based on a negative attitude to the classical Aristotelian attitude towards “imitation of nature” as an indispensable condition for any creative person. In this context, an important place is given to S. Baudelaire, who, having ignored romantic pantheism, put forward the thesis of the futility of nature, which did not teach anything. Having thoroughly revised Russo’s sensitivities with regard to nature, in his collection of essays “The Poet of Modern Life“, he turned to its chthonic component. As for purely artistic texts, then, in our conviction, “created nature” fully appeared in the novel by J.-C. Huysmans “Conversely”, whose character des Essente, imagining himself a creator, plans to transform the world around him based on his desires and internal needs. His life credo is "artificiality", which dominates over everything else. On the example of articles and literary texts by Baudelaire and Huysmans, it is concluded that the writers of the prodecadent orientation, rejecting the principle of "mimesis", put forward the idea of "super-nature" and considered nature only as a raw material appendage of art, the supplier of material for the creator’s imagination.

Keywords: natural creation, decadence, Baudelaire, new art, Huysmans, the despotism of nature, the artificiality, the natural beginning, critic

Поступила в редакцию 15.04.2019